

тора, иногда весьма живописно расположенныя села, даже города, лѣса, долины, сады придавали мѣстности очень оживленный видъ.

Въ Одессу мы должны были пріѣхать 12 го іюня. Не смотря на то, что поѣздъ приходитъ въ 9 ч. 15 м. утра, жизнь въ нашемъ вагонѣ началась довольно рано. Въ 6 ч. утра молодежь начала просыпаться и сейчасъ же приводить свой туалетъ въ порядокъ. Каждый изъ нихъ слышалъ о южной нашей красавицѣ Одессѣ. Это дѣйствовало на воображеніе и возбуждало любопытство. Многихъ интересовало море, которое предстоитъ видѣть въ первый разъ. Почти на всѣхъ дѣйствовало возбуждающе сознаніе того, что Одесса—послѣдній русскій городъ, въ которомъ намъ приходится побывать предъ отправленіемъ въ чужія страны. Наконецъ произнесены кондукторомъ магическія слова: „скоро Одесса“. Всѣ бросились къ окнамъ.

Города еще не видно; остается еще верстъ 12-ть. Только на 10-й верстѣ начали, точно въ туманѣ, вырисовываться силуэты одесскихъ построекъ. По мѣрѣ приближенія начало вырисовываться все больше и больше коническихъ фабричныхъ трубъ. Наконецъ мы въѣзжаемъ въ фабричное предмѣстье. Поѣздъ проходитъ среди цѣлаго ряда громаднхъ зданій фабрикъ и заводовъ, какъ бы желая показать всю главную жизненную артерію нашего главнаго южнаго порта. Среди массы различной архитектуры фабричныхъ зданій выдѣляется своею легкостью и красотой въ стилѣ чистаго готика лютеранская или католическая церковь. Поѣздъ постепенно замедляетъ ходъ, вотъ онъ уже подходитъ къ станціи. Здѣсь насъ ждалъ уполномоченный Православнаго Императорскаго Палестинскаго Общества Михайлъ Ивановичъ Осиповъ, мѣстный старожилъ, замѣчательно симпатичный человекъ, оказавшій неоцннимыя услуги, какъ знатокъ Одессы и вліятельное лицо здѣсь. Онъ, главнымъ образомъ, выхлопоталъ намъ скидку на пароходахъ русскаго общества пароходства и торговли до Александріи и обратно, съ остановкою на продолжительное время въ попутныхъ стоянкахъ, гдѣ бы мы пожелали отдохнуть. Михайлъ Ивановичъ Осиповъ, какъ я сказалъ, ждалъ насъ въ сопровожденіи представителей Пантелеймоновскаго и Андреевскаго подворій. Вся наша компанія не могла размѣститься въ одномъ Пантелеймоновскомъ подворьѣ; поэтому часть учащихся, во главѣ съ директоромъ и преподавателемъ Ураевскимъ, осталась тамъ, а 12 челов. съ о. Русановымъ и преподавателемъ Джерожинскимъ, помѣстились въ Андреевскомъ подворьѣ. Наша маленькая группа оказалась въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Въ то время какъ въ Пантелеймоновскомъ подворьѣ отвели два номера съ нарами и только руководителямъ дали отдѣльный номеръ,—намъ въ Андреевскомъ назначили три очень хорошихъ комнаты, помѣстительныя, свѣтлыя, съ мягкими койками, однимъ словомъ со всѣми удобствами, съ какими могутъ устроиться путешественники. Монахи Андреевскаго подворья поразили насъ своимъ участіемъ, радушіемъ и задушевностью. Если бы вездѣ относились къ намъ такъ заботливо, симпатично и

душевно, какъ здѣсь, то лучшаго желать ничего не оставалось бы: наше путешествіе совершилось бы при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ. Тамъ мы узнали, что въ Константинополь насъ ждуть въ подворьяхъ Андреевскаго и Пантелеймоновскаго Аѳонскихъ монастырей. Находясь въ подворьѣ, мы должны были исполнѣ подчиняться тѣмъ порядкамъ, какіе существуютъ здѣсь. Едва успѣли мы послѣ дороги нѣсколько отдохнуть, освѣжиться и переодѣться, какъ въ 12 ч. подали обѣдъ, правда постный, но очень вкусный и сытный. Главнымъ образомъ преобладали разныя кушанья изъ мѣстной рыбы—скумбріи. Послѣ обѣда вся наша группа отправилась въ Пантелеймоновское подворье, гдѣ соединились съ другой, и, подъ руководствомъ обязательнаго Михаила Ивановича мы отправились осматривать городъ. Сперва мы шли по Пушкинской улицѣ. Эта улица называется такъ потому, что въ одномъ изъ домовъ на ней жилъ А. С. Пушкинъ. Вотъ онъ, этотъ, ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ домовъ, небольшой желтый домикъ. Къ его фасаду прибита мраморная доска, извѣщающая о пребываніи здѣсь Пушкина, кругомъ посажены деревья. Вотъ и все. Не долго мы останавливались здѣсь: намъ нужно было еще многое осмотрѣть.

(До слѣд. №-ра.)

Свидѣтельства церковной исторіи по вопросу о цезаро-папизмѣ.

Въ 14, 19 и 22 №№ „Духовнаго Вѣстника“ за 1910 г. мною была помѣщена статья о цезаро-папизмѣ. Изъ приводимыхъ мною примѣровъ было видно, что свѣтская власть въ лицѣ императора (овъ) и ихъ уполномоченныхъ принимала горячее участіе въ существенныхъ дѣлахъ церкви того времени (Времени съ IV по IX, X и XI в. в.). Она (свѣтская власть), какъ мы видѣли, являлась инициаторомъ всѣхъ соборовъ—какъ вселенскихъ, такъ и помѣстныхъ (Истор. церк. Джемса Робертсона ч. 1, л. л. 179, 187, 279, 452, 517, 573, 574 и 576; Дѣян. 5 вселен. соб., л. 28; Дѣян. 7 вселен. соб. л. л. 33, 34; Апокрис. Христоф. Филалета л. л. 207, 208, 209 и 210; Дѣян. 1 вс. соб. л. 38, Дѣян. 3 вс. соб., л. 193; Дѣян. 4 вс. соб., л. 56, Дѣян. 6 вс. соб., л. 16), присутствовало на нихъ (Ист. цер. Робертсона ч. 1, 443 л. и 574 л., Дѣян. 4 всел. соб., л. л. 128 и 130, Дѣян. 5 вс. соб. 277 и 278 л. л., Апокрисисъ Христофора Филалета л. л. 85, 86 и 209) и слѣдила за дѣятельностью послѣднихъ (Истор. цер. Робертсона, ч. 1, л. л. 191, 196, 416, 417, 438, 453), давала имъ то или другое направленіе, направляла и даже видоизменяла самыя соборныя рѣшенія (Очерки Визант. восточ. цер. въ IX, X и XI в. в. профес. А. П. Лебедева л. л. 71 и 78) по своимъ видамъ и цѣлямъ. Въ свою очередь и духовныя лица также принимали фактическое участіе въ дѣлахъ государственныхъ, выступали на сцену, какъ руководители партій, государственные послы и посредники между враждующими партіями. Государственная власть, читаемъ въ истор. Скаллановича, принимала дѣятельное участіе въ вопросахъ церков-

ныхъ, вторгаясь въ область церковнаго хозяйства и присвоивая себѣ право назначенія на церковныя должности и устранения отъ должности; въ свою очередь духовныя лица принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, не только косвенное, путемъ нравственнаго вліянія на народную массу, но и прямое, въ качествѣ руководителей внѣшней и внутренней политики, а также непосредственныхъ участниковъ въ важнѣйшихъ политическихъ предпріятіяхъ и общественныхъ движеніяхъ... занимали мѣста первыхъ министровъ, разныя мірскія должности въ центральномъ и областномъ управленіи, выступали на сцену, какъ руководители партій, государственные послы и посредники между враждующими сторонами». (Визант. государ. и церковь въ XI вѣкѣ Скабалановича л. 361) Они (духовныя лица) были также и непремѣнными членами высшаго въ то время правительственнаго учрежденія—синклита. „Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ при императорѣ былъ синклитъ, въ составъ котораго входили и духовныя лица и на собраніяхъ котораго находили себѣ выраженіе административныя и судебныя функціи“. (Визант. государ. и церк. Скабаланов. л. 363).

Синклитъ состоялъ преимущественно изъ сенаторовъ, занимавшихъ чины первыхъ 12 степеней. Степени эти суть слѣдующія: 1, Кесарь. Ему принадлежало первое мѣсто послѣ царя. 2, Севастъ, 3, Новеллисимъ, 4, Куропалатъ 5, Протопроедръ. 6, Проедръ. 7, Магистръ. 8, Вестархъ. 9, Вестъ. 10, Анѳипадъ. 11, Патрицій и 12, Протоспафаръ. (Истор. церк. Скабаланов. л. л. 149, 150, 151, 152, 153 и 154.) Кромѣ этихъ 12 степеней—были и другія чиновныя степени—степени: протосинкела, синкела, ипертима и ректора. (Истор. церк. Скабаланов. л. 157), степени эти давались исключительно только лицамъ духовнаго сословія, входящимъ въ составъ синклита. Такой порядокъ вещей всеми признавался правымъ, законнымъ и нормальнымъ не только въ древній періодъ—въ періодъ IX, X и XI в.в., но и у насъ на Руси со времени образованія сильнаго Московскаго царства. Почему? Да потому, что между государствомъ и церковью того времени, какъ между тѣломъ и душою, было постоянное взаимодѣйствіе, взаимоотношеніе, былъ полный союзъ (Дѣян. 3 в. соб. л. л. 191 и 192), была полная интимность, все они признавали, что оба они (государство и церковь) необходимы для благоденствія и мирнаго житія подданныхъ, на согласіи или гармоніи той и другой власти виждилось и виждется высшее благо государства. „Взаимодѣйствіе государства и церкви было полное, читаемъ въ истор. церк. Скабалановича, вліяніе государства обнаруживалось, начиная съ патриарха, продолжая митрополитами, епископами, клириками и оканчивая монахами, все они пользовались вліяніемъ въ государствѣ“. (Визант. государ. и церк. въ XI в. Скабалановича л. 361).

Въ Византійскомъ государствѣ признано было, говоритъ профессоръ Павловъ, за основной принципъ, что между государствомъ и церковью, какъ между тѣломъ и душою, должно быть постоянное взаимодѣйствіе. Этотъ принципъ довольно ясно выраженъ въ предисловіи къ шестой новеллѣ Юстиніана, при-

нятомъ въ церковный номоканонъ: здѣсь сказано, что «два великихъ дара даны человеку Божественною милостію: священство и царское достоинство; первое служитъ божественному, послѣднее управляетъ человеческимъ; ибо происходятъ изъ одного и того же источника и служатъ украшеніемъ человеческой жизни». Еще полнѣе тотъ же принципъ выраженъ въ Эпанагогѣ императ. Василия, Льва и Александра: „Императоръ есть законная верховная власть, общее благо для всехъ подданныхъ: его задача—благодѣтельствовать..... Патриархъ есть живое отображеніе Христа, представляющее истину и въ словѣ, и дѣлѣ. Императоръ и патриархъ, мірская власть и священство, относятся другъ къ другу, какъ тѣло и душа и, сообразно существу человека, оба необходимы для благоденствія подданныхъ. На согласіи той и другой власти утверждается высшее благо государства“. (Курсъ церков. права профес. А. Павлова л. л. 471 и 472). Константинопольскій патриархъ былъ главою восточной церкви, такимъ же средоточнымъ въ церковной сферѣ, какимъ былъ императоръ въ сферѣ государственной, говоритъ г. Скабалановичъ... Эклога, которая съ небольшими измѣненіями принята въ Эпанагогу, опредѣляетъ положеніе патриарха въ связи съ положеніемъ императора, по аналогіи съ человеческимъ организмомъ, состоящимъ изъ тѣла и души. Подобно тому какъ императоръ былъ представитель закона, общее благо всехъ подданныхъ, задача котораго—благодѣлать всемъ; точно также и патриархъ былъ живой и одушевленный образъ Христа, представитель истины словомъ и дѣломъ... какъ гармонія частей тѣла необходима для благосостоянія человеческого организма, точно также духовное и тѣлесное благоденствіе подданныхъ зависитъ отъ единомыслія и согласія во всемъ государя и архіерея“. (Визант. государ. и церк. въ XI в. Скабалановича л. 362). Отношеніе между властью государственной и церковной у насъ на Руси имѣло полную аналогію съ отношеніемъ древней Византіи. Какъ въ древнія времена вселенскіе и помѣстные соборы собирались по волѣ и желанію императора, (Апокрис. Христоф. Филалета л. л. 207, 208, 209 и 210; Истор. церк. Робертсона ч. 1, л. л. 179, 187, 279, 452, 517 и др.), такъ и у насъ на Руси все церковныя соборы созывались по особому повелѣнію и волѣ государя. Все церковныя соборы, говоритъ профес. Каптеревъ, Московской Руси XVI и XVII столѣтій всегда обязательно созывались только по особому повелѣнію государя, безъ его согласія не могъ состояться ни одинъ соборъ*.) «(Отношеніе

* Въ 1554 г. царь Иванъ Васильевичъ, въ грамотѣ къ Максиму Греку раскрывъ еретическія мѣтнія Башкина, пишетъ: „тѣмъ же убо умыслихъ сице: да соберутся вси елици сущии обрѣтаются подъ областію моею: архіепископи же и епископи, архимандриты же и игумены и черноризцы“. (А. И. т. I, № 161, стр. 298) Въ Соборной грамотѣ 1554 г. о бѣломъ клубкѣ—царь заявляетъ: „во всю свою область царскаго самодержавства послахомъ къ сущимъ подъ областію святѣйшія русскія митрополія къ своимъ богомольцамъ, и повелѣхомъ съитися преосвященнымъ архіепископомъ, и епископомъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ, и игуменомъ, и всему освященному собору“. (А. И. т. I, № 173, стр. 331) Или напрямѣръ: „въ прошломъ по 1660 году по божественному повелѣнію и повелѣнію благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Русіи самодержца, собрашися преосвященный соборъ въ богохранимый и царствующій градъ Москву ... (Гиббелета: „Дѣло патр. Никона, т. 1, стр. 242 и 243.).

между властью государств. и церковной в древней Руси» Каптеревъ, въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1910 г., мѣс. февраль л. 178 и мѣс. январь стр. 44). По примѣру также древней Византіи (Истор. церк. Робертсона ч. 1, л.л. 191, 196, 437, 443, 574; Дѣян. 4 вѣ. соб., т. 4, л.л. 128, 130, изд. 1865 г., а изд. 18 л.л. Дѣян. 5 вѣ. соб., т. 5, л.л. 277 и 278; см. посланіе импер. Юстиніана къ св. собору). всѣ важные соборы у насъ на Руси открывались также самимъ государемъ. *«Всѣ большіе и важныя соборы открывались обыкновенно самимъ Государемъ, который по большей части лично присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ. (см. стат. Каптерева: „Отношен. между власт. государ. и церков. въ древ. Руси“ въ Богослов. Вѣстн. 1910 г. мѣс. февраль, стр. 178-я). Присутствіе царя на соборѣ считалось у насъ почти обязательнымъ, такъ какъ оно (присутствіе) придавало собору настоящую силу и авторитетность. Всѣ соборныя рѣшенія состоявшіяся въ присутствіи царя, считались окончательными, недопускающими никакихъ апелляцій. «Соборное рѣшеніе, состоявшееся въ присутствіи царя, считалось окончательнымъ и неизмѣннымъ, недопускающимъ апелляціи и перерѣшенія, потому что царское осужденіе не подлежитъ и не пресуждается».* (Богослов. Вѣстн. мѣс. февраль, стр. 179 и 180—статья Каптерева: «Отношеніе между власт. государ. и церковной»). Они (императоры) считаются и считались высшими судьями во всѣхъ дѣлахъ, какъ гражданскихъ, такъ равно и церковныхъ. (Истор. церк. Робертсона ч. 1, л. 662, 516 и 279; Апокрис. Христоф. Филалета л. 175;) ихъ постановленія имѣли и имѣютъ „силу канонозъ“ (Курсъ церков. права профес. Павлова л. 469). Они самовластно издавали законы чисто церковныя, церковъ же только исполняла готовые законы. (Очерки внутрен. истор. Визант.-восточн. церкви въ IX, X и XI в.в. профес. А. Лебедева, изд. Москва 1902 г., лл. 77 и 78-й). Такихъ законовъ, чисто церковнаго свойства, особенно много издалъ императоръ Левъ VI Мудрый. (Очерки Визант.-восточн. церк. А. Лебедева л.л. 77, 78). Всѣ соборныя постановленія получали законную силу и дѣйствіе не иначе, какъ только послѣ просмотра и одобренія царя, скрѣпленія подписью и привѣшиванія печати. *Состоявшіяся на соборѣ тѣ или другія постановленія получали обязательную силу закона и вводились въ церковную практику не иначе, какъ только послѣ просмотра и одобренія ихъ царемъ, который привѣшивалъ къ нимъ свою печать или скрѣплялъ ихъ своею подписью, безъ чего соборныя постановленія, сами по себѣ, не имѣли никакой силы...*

(Окончаніе слѣдуетъ).

IV.

ВЫСТАВКА

руководѣій церковно-приходскихъ школъ Сердобскаго уѣзда.

1-го октября 1910 года въ зданіи Нагорной церковно-приходской школы въ г. Сердобскѣ торжественно соборнымъ служеніемъ молебна, въ присутствіи предсѣдателя, наблюдателя и живущихъ въ городѣ

членовъ Сердобскаго уѣзднаго отдѣленія, открыта была выставка руководѣльныхъ работъ ученицъ церковно-приходскихъ школъ Сердобскаго уѣзда. На открытіе выставки прибыли г.г. предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, представители городского самоуправления и гласные очереднаго земскаго собранія.

Заль Нагорной школы былъ красиво декорированъ зеленью, національными флагами и цвѣтами работы церковно-школьныхъ ученицъ. Служеніе молебна началось около 11 час. дня. Передъ молебномъ о. уѣздный наблюдатель въ краткомъ словѣ выяснилъ присутствующимъ, что цѣль настоящей выставки не реклама, а желаніе, въ виду всевозможныхъ нареканій и кривотолковъ, придать болѣе гласности тому дѣлу, надъ которымъ 25 лѣтъ трудилась и не ослабляя энергіи трудится церковно-приходская школа. Чѣмъ больше гласности во всякомъ дѣлѣ, тѣмъ меньше разныхъ кривотолковъ. Обращаясь къ г.г. гласнымъ земскаго собранія, о. наблюдатель просилъ ихъ объединиться и идти рука объ руку на великомъ поприщѣ народнаго просвѣщенія. Хоръ Потловской второкласной женской школы прекрасно исполнилъ положенное молебное пѣніе. Въ заключеніе, послѣ многолѣтняго Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Вдовствующей Императрицѣ, Наслѣднику Престола и Всему Царствующему Дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, Преосвященнѣйшему Гермогену и всѣмъ ревнителямъ созиданія церковно-приходскихъ школъ, тѣмъ же хоромъ со всѣми присутствующими на торжествѣ масою предъ роскошно убранымъ портретомъ Государя Императора трижды былъ исполненъ Русскій народный гимнъ, послѣ чего публика была допущена къ осмотру выставки.

Значеніе руководѣія въ церковно-приходской школѣ становится понятнымъ для всякаго, кто посѣтилъ и внимательно осмотрѣлъ эту, открытую Сердобскимъ уѣзднымъ отдѣленіемъ на самыхъ скромныхъ началахъ, выставку руководѣльныхъ работъ. Несмотря на нѣкоторыя недочеты, выставка представляла большой интересъ не только, какъ первая попытка въ своемъ родѣ, но и по своей сущности, т. е. по всему тому, что на ней было выставлено. Въ качествѣ экспонентовъ выступили до 30 женскихъ церковно-приходскихъ школъ уѣзда, представившихъ на выставку до тысячи экспонатовъ,—и уже, при бѣгломъ осмотрѣ, невольно приходится радоваться тѣмъ успѣхамъ и тому разнообразію предметовъ, какіе могла выставить церковно-приходская школа, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма скудныя средства на развитіе руководѣія. Учительницы, напримѣръ, за веденіе уроковъ руководѣія получаютъ отъ 3-хъ до 20-ти руб. въ годѣ; на матеріалы средствъ никакихъ не отпускается; изыскиваются на этотъ предметъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстныя средства, а, обыкновенно, и въ большинствѣ случаевъ ученицы работаютъ изъ собственнаго матеріала. При всемъ этомъ всякому потѣтителю выставки становится яснымъ, насколько церковно-приходская школа усиѣла выдвигаться впередъ со стороны развитія и проведенія въ жизнь столь необходимаго не только въ крестьянскомъ